

ногу, когда тот выпроваживал его с танцев в нашем студенческом клубе.

³ В.К. Степаненко — наш однокурсник, боксер, отличался атлетическим телосложением, но отчаянно заикался.

⁴ Так студенты-охотоведы и выпускники МПМИ уважительно за глаза называли профессора Петра Александровича Мантейфеля.

УДК 502 (091) : 001

О ВАСИЛИИ НИКОЛАЕВИЧЕ СКАЛОНЕ

В.Н. Степаненко

Государственный природный заповедник «Байкало-Ленский»

Присяга не кому-нибудь,
А только Богу и Державе,
Он видел только вдаль и вглубь
Единый путь к бессмертной славе.
Э. Портнягин

Наш курс факультета охотоведения (1973—1978) — последний, которому посчастливилось пообщаться с Василием Николаевичем Скалоном как с преподавателем. Хочется поделиться своими воспоминаниями и впечатлениями об этом замечательном человеке. Он вел учебные дисциплины, по которым даже не надо было сдавать экзаменов, — это «Введение в специальность», «Этнография» и «Охрана природы». Посещаемость была высокой, в первую очередь, благодаря личности Преподавателя. Все знали, что он основатель нашего факультета, хотя и распевали после занятий: «Нам Скалон не папа и не мама...» И сам он был запоминающимся. Невысокий, крепкий, всегда в костюме с галстуком, с большой седой бородой и неожиданно молодым, удивительно сильным голосом.

Лекции были интересными. Василий Николаевич, обладая энциклопедическими знаниями, громадным личным опытом и незаурядным умом, умел владеть вниманием аудитории. Правда, не все было поначалу понятно. Ведь мы, первокурсники, любившие природу безотчетно, просто как Родину, хотели стать охотоведами, а в его лекциях, да-

же в курсе «Введение в охотоведение» красной нитью проходила идея необходимости охраны природы и перестройки общественного сознания отношения к природе. Нас, выросших на лозунгах типа: «Мы не можем ждать милости от природы...», лекции Василия Николаевича наставляли думать. «Введение в охотоведение» послужило основой, на которую впоследствии накладывались остальные знания.

Очень интересной была «Этнография». Именно от Василия Николаевича большинство из нас узнало, что каждый народ имеет свою историю, культуру и в любом случае заслуживает уважения. Откровением было и то, что только так называемые малые народы достигли того, о чем нам приходилось только мечтать — жизнь в гармонии с природой. И совсем неожиданным поначалу показался тезис, что насильственные социальные преобразования, изменяющие традиционный образ жизни, для них отнюдь не оказались полезными. Василий Николаевич знал, что традиционная культура коренных народов уходит, и призывал нас уважать и изучать ее, особенно опыт стариков. Знал он и причины, обуславливающие деградацию древних культур таежных и тундровых этносов.

Впоследствии я понял, что многие мысли В.Н. Скалона перекликались с идеями Л.Н. Гумилева, автора теории этногенеза, одного из галантливейших людей России XX в. Многие, если не все беды малых народов, — вследствие того, что умные люди, такие как В.Н. Скалон и Л.Н. Гумилев, не могли влиять на государственную политику. Официально считалось, что все социальные преобразования — это великое благо для всех, кроме когда-то уничтоженных классовых врагов. На своих лекциях В.Н. Скалон рассказывал нам правду, очень сильно отличающуюся от официальной. Это свидетельствует о его большом гражданском мужестве.

Впоследствии мне пришлось близко пообщаться с представителями самых разных народов. По безотказному рецепту Василия Николаевича я всегда старался их понять, уважать и не стеснялся учиться. Никогда не забуду эвенка Ивана Степановича Сафьянникова, тувинца-тоджинца Бараана Саскана и многих других. А учиться у них было чему, ведь они, неграмотные старики, последние хранители тысячелетнего опыта своих народов, обладали таким уровнем знаний, до которого современное наше общество еще не доросло. Позволю себе привести здесь диалог со стариком-эвенком (Катанга, август 1975):

— А скажи, душа, грибов в тайге много?

— Нет, дедушка, только у болот, и то редко.

— А где больше — здесь или на Игняле?

Мой ответ — подробная информация об урожайности разных грибов на всей обследованной территории.

— Однако, душа, у сохатых гон этой осенью совсем поздно будет.

— А почему?

— Сохатый к гону на грибах жир набирает, худой не погонится. А без грибов тоже жирный станет, только позже.

Вот тебе и экология, наглядный пример взаимосвязи природных процессов и явлений. То, что было очевидным для неграмотного эвенка, для студента охотфака требовало дополнительного разъяснения. Профессор В.Н. Моложников, охотовед, как-то заметил, что есть такой предмет, который, к сожалению, не преподают уже, — «Тунгусоведение». Василий Николаевич знал этот предмет в совершенстве.

Но самый главный предмет, который вел Василий Николаевич, — это «Охрана природы». О том, насколько он был важен, свидетельствует и то, что с 1993 г. на нашем факультете готовят специалистов, для которых охрана природы — основная специальность. Сейчас, тридцать лет спустя, я понял, что идеи и мысли Василия Николаевича опережали время. Проблемы современного природопользования родились не сегодня, они порождение всей нашей истории. Василий Николаевич это прекрасно понимал и пытался донести нам. У него это получалось. Например, для меня «скалоновская» «Охрана природы» обусловила весь жизненный путь. После вуза я работал в Западно-Сибирской проектно-изыскательной экспедиции Главохоты. Работа была понятной и интересной (внутрихозяйственное устройство промысловых хозяйств), и коллектив отличный. «Старики», очень хорошие люди, охотоведы Мантейфелевской школы — Александр Андреевич Шило и Леонид Георгиевич Ситников — поначалу из меня, по их образному выражению, «скалонизм выколачивали». Но истина была, как водится, посредине и даже ближе к Скалону. Как только наша экспедиция стала проектировать новые заповедники, я сразу же оказался в партии, занятой этой работой. Посчастливилось (другого слова не подберешь) участвовать в создании государственных заповедников «Олекминский», «Азас», «Байкало-Ленский», «Путоранский», был еще создан федеральный заказник «Озеро Большое Токо». Работаю в заповеднике до сих пор. В системе охраны природы работают очень многие выпускники нашего факультета.

Сейчас охрана природы возведена в ранг государственной политики, но пока только на словах и на бумаге. А отношение общества к природным богатствам было и осталось сугубо потребительским, как и в средние века. Результат этого — современное положение с охраной природы и природопользованием. В середине века иностранцы удивлялись богатству охотничьих угодий Руси, но уже в XIX в. в Европейской России и отчасти в Сибири удивляться было нечему. А на рубеже тысячелетий стало еще хуже. Мы сами давно уже удивляемся обилию диких зверей и птиц в охотугодьях Европейских стран и Америки. А наше охотничье хозяйство то ли в тупике, то ли на распутье. В результате «демократического» законотворчества охотники перестали быть хозяевами в своих же угодьях. Последствия этого общеизвестны.

Есть, конечно, заповедники, дальние, даже сейчас малодоступные угодья и даже крепкие охотхозяйства, но они погоды не делают.

Готовых рецептов исправления сложившегося положения, разумеется, нет. Может быть, стоит вспомнить, о чем писал и рассказывал в своих лекциях В.Н. Скалон? Он учил при решении проблем руководствоваться в первую очередь здравым смыслом. Вот его-то обычно и не хватает. Считаю, что давно назрела необходимость создания нового охотзаконодательства, отвечающего интересам охотников в сочетании с усиленной природоохранной пропагандой.

Время показало, что работы Василия Николаевича Скалона не потеряли своей актуальности, скорее, наоборот. К сожалению, они давно стали библиографической редкостью и для широкого круга специалистов недоступны. Необходимо ставить вопрос об их переиздании, хотя бы тех, что посвящены проблемам охраны природы.